

Ирина Голыбина

Персонажи

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г62

Оформление серии *Натальи Каштыкиной*

Редактор серии *Кристина Горчилина*

Гольбина, Ирина Дмитриевна.
Г62 Персонажи : роман / Ирина Гольбина. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-187675-3

Максим — главврач и совладелец частной психоневрологической лечебницы, состоятельный, привлекательный и интересный мужчина. Но почему-то ему все не удается встретить ту самую женщину, с которой он мог бы построить счастливую спокойную семейную жизнь...

Однажды на курсах итальянского языка он встречается яркую и загадочную Юлю, в которую влюбляется без оглядки. Он намерен добиться ее во что бы то ни стало. Но действительно ли ему это нужно? Ведь она скрывает далеко не один секрет, да и сам Максим вовсе не такой идеальный, каким хочет казаться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гольбина И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187675-3

Как хорошо без женщины, без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,
Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут и вас еще ревнуют!

Как хорошо без театральных сцен,
Без длинных «благородных» объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений.

И как смешна нелепая игра,
Где проигрыш велик, а выигрыш — ничтожен,
Когда партнеры ваши — шулера,
А выход из игры уж невозможен.

Как хорошо с приятелем вдвоем
Сидеть и пить простой шотландский виски
И, улыбаясь, вспоминать о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки.

Как хорошо проснуться одному
В своем веселом холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
«Давать отчеты» — никому на свете!

А чтобы «проигрыш» немного отыграть,
С ее подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там «застраховать»
Простое самолюбие мужчины!

А. Вертинский, 1940

Глава 1

Лет двадцать назад, когда Максим еще учился в медицинском институте, профессор с кафедры внутренних болезней говорил ему:

— Вам, Доценко, в наркологию надо. Вот только не знаю, пациентом или врачом.

Максим продирает мутные глаза, встряхивался. Нет, пьяницей он не был. Подрабатывал по ночам, разгружая машины, или дежурил на «скорой». Деньги требовались постоянно и в немалых количествах, потому что жена, диктор на радио, хотела и нарядов, и ресторанов, и поездок за границу. Он пытался ответить для себя на вопрос, почему этакая звезда выбрала именно его, но приходил к единственному выводу: внешность. И, может, характер.

Он ходил на длинных ногах, гордо ступая, взирая на всех с высоты почти двухметрового роста. Пронзал взглядом ледяных серых глаз. Едко шутил, говорил мало и по делу. Казался со стороны умудренным жизнью, хотя про себя признавал: пацан, неопытный щенок. Угораздило связаться с дамой на десять лет старше — расплачивайся теперь. Жена, Анна Ивановна, соблазняла его настойчиво и неотступно, преследовала, можно сказать. Положила глаз на студента-медика с худым лицом и поджарым телом,

воспользовалась мимолетной связью, забеременела. Так Максим обзавелся женой-звездой, дочкой с такими же, как у него, пронзительными серыми глазками, и обязанностями: зарабатывать, прислуживать, ублажать. Первое время, пока Сашка была совсем маленькая, ночи напролет носил ее на руках, баюкая. Дочка плохо спала, плакала — повышенное внутричерепное давление, кислородное голодание при родах. Анна Ивановна рожала долго, стонала и кричала, уговаривала сделать ей кесарево, чтобы не мучиться. В конце концов знакомый акушер локтем выдавил Сашку из ее утробы, сорвал раздраженно маску с лица и, выйдя за дверь родовой, рывкнул на Максима:

— Забирай свою психованную!

Теперь, спустя два десятка лет, эта психованная снова требовала денег, утверждая, что он отнял у нее квартиру, нажитую в браке. О том, сколько ему пришлось вкалывать, чтобы купить ту несчастную трешку, Максим не напоминал, но был твердо намерен отдать квартиру дочери. Анна Ивановна, слава которой осталась далеко позади, страдала от отсутствия внимания даже больше, чем от нехватки денег: с разводом они перестали притекать к ней от безотказного мужа-сопляка. Да и тот окреп, оперился — стал, как советовал профессор, психиатром-наркологом, подзаработал в двухтысячных, вытрезвляя запойных на дому, сколотил сначала маленькую частную наркологию, а потом полноценную клинику, где лечили уже не маргиналов-алкашей, а солидных бизнесменов с мегаломанией на фоне запущенного сифилиса, их дочек на дорогих машинах, у которых гноми-

ки селились в головах, и жен, что оказывались на поверку не страдалицами с депрессией, а банальными нимфоманками. С последними хлопот было больше всего: они как одна рвались на психотерапию к видному доктору, являлись в провокационных нарядах и делились откровениями, после которых хотелось скорей выйти в туалет, помыть руки.

Парочка таких добивалась его внимания почище Анны Ивановны — звезды, но он, блюдя врачебную этику, держался стойко — ни с одной из претенденток даже кофе не согласился выпить. Поэтому, когда возбужденная девушка влетела без стука в его кабинет и стала озираться в поисках места, куда удобнее будет сесть, он нахмурил брови, указал рукой на кресло возле стены, а сам остался за рабочим столом, как на допросе. Девушка уселась, повозилась немного и замерла. Подняла на него глаза с немым вопросом: что дальше? Максим нарочито медленно перебрал на столе медицинские карты, взялся за ручку.

— Фамилия?

— Чья?

— Ваша. Фамилия, имя и возраст.

Девушка, похоже, растерялась. Посмотрела удивленно, потом ответила:

— Георгиева. Элина. Тридцать четыре года. А что? Он записал в бланке данные, вздохнул.

— С чем пожаловали?

— Я? С Дмитрием Павловичем.

«Шизофрения, — подумал Максим обреченно, — Дмитрий Павлович головного мозга».

— И что с ним?

— С Дмитрием Павловичем? Запой. Доктор, вы меня не помните? Я уже привозила к вам из московского офиса замгенерального. Компания «Башкирская нефть».

Максим взгляделся повнимательнее — нет, лицо незнакомое.

— А может, мы у другого врача были? Я сама не помню. У вас ведь анонимное лечение? Моему начальству светиться нельзя.

— Анонимное, не беспокойтесь.

Максима немного отпустило; похоже, девушка в полном порядке. Секретарь, наверное. Доставила начальника на капельницу, вырезвлять.

— И где ваш Дмитрий Павлович?

— В процедурной. Вам не сказали?

— Нет. Сейчас я посмотрю.

Максим поднялся, распрямил длинные ноги, одернул халат. Оставив девушку в кабинете, прошел в процедурную, откуда неслись яростные крики. Дюжий санитар придерживал на кушетке мужчину под шестьдесят, в пиджаке и рубаше с галстуком, но без брюк. На волосатых голых ногах болтались съехавшие носки, один ботинок лежал у самой двери.

— И что тут?

— Делирий, — сразу же ответила молоденькая врач, которую они месяц назад приняли на работу, — острый.

— Ясно. Фиксируйте, начнем детоксикацию. Кровь возьмите у него.

— Не дается.

— Колите диазепам.

Максим вернулся в кабинет, где девушка так и ютилась на краешке кресла, сел за стол, принялся писать назначения.

— Больной ваш в состоянии алкогольного делирия, нужна детоксикация. Будете госпитализировать?

— Буду, — кивнула она. — Только мне для бухгалтерии понадобятся документы.

— В регистратуре вам выдадут. Данные ваши там есть?

— Есть реквизиты компании и мой телефон.

— Тогда идите оформляйтесь.

Девушка вскочила, прижимая к боку дорогую кожаную сумку. Только сейчас Максим заметил, что она довольно высокая, с приятно округлой фигурой. Ноги могли быть стройнее, конечно, но в целом хороша.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Элина.

— Перезвоните мне, Элина, завтра с утра. Часов в одиннадцать. Разберемся с вашим... Дмитрием Павловичем?

— Да, — подтвердила девушка, хлопая чересчур накрашенными ресницами. — Скажите, а когда он сможет вернуться на работу?

— Пока не знаю. Дня три понадобится, думаю. Завтра скажу точнее.

— Спасибо вам, доктор, большое. Вы нас всегда так выручаете! Это ведь уже не в первый раз...

— Да-да, пока не за что, — оборвал ее Максим, снова опуская взгляд на бумаги, — звоните.

Девушка вышла, оставив после себя легкий запах цветочных духов. Максим привычно заполнил бланки, посидел, подперев голову рукой. Крики в процедурной затихли — похоже, клиент успокоился. Можно обследовать.

Только собираясь уходить, запирая дверь в кабинет, Максим вспомнил, что девушку и правда видел раньше — кого-то еще она привозила к ним, из совета директоров. Спросил про нее в регистратуре, и медсестра, заглянув в компьютер, сказала, что это ассистент отдела персонала. Неудивительно, внешность говорит сама за себя. В нефтянке любят высоких блондинок.

Назавтра Элина позвонила, как он сказал, в одиннадцать утра, спросила, как дела у Дмитрия Павловича. Максим объяснил, что случай непростой, еще и с сердцем проблемы. Ночью врач, которая оставалась на дежурство, набегалась с ним. Семья у пациента есть?

— Есть, в Уфе. Здесь я за него отвечаю.

— Тогда готовьтесь, что он где-то неделю у нас пробудет. Можете приезжать, навещать. Но не сегодня, через пару дней. Пока что ничего не требуется.

— Еще раз спасибо вам, доктор. Тогда я приеду во вторник.

Максим пожал плечами, повесил трубку. Во вторник девушка действительно появилась, прорвалась к нему, хотя медсестра и просила не беспокоить, принесла в пакете бутылку коньяка и шоколадные конфеты.

— Я не пью, — ответил Максим вместо благодарности. Таких бутылок и коробок у него стояли в шкафу десятки.

— Это от компании, всему вашему коллективу. Даже не знаю, что бы мы без вас делали. Понимаете, из региональных отделений приезжают в Москву начальники, считается, что в командировку. А на самом деле отдыхать. Ну и могут переусердствовать. Работа у них нелегкая, постоянный стресс. Они так расслабляются. Я же не могу им запретить.

Про стресс и нелегкую работу Максим слышал ежедневно по столько раз, что мог бы запросто и сам рассказать. Изображая заинтересованность, перебирал в голове список новых пациентов. Булимия, паническая атака, запой. У запоя тромбоз глубоких вен, надо перевозить в государственную больницу, в сосудистую хирургию. Времени на переговоры с секретаршей — ах нет, ассистентом отдела персонала — в обрез.

— Элина, я понял. Мы делаем все необходимое. Не волнуйтесь, вернем вашего командировочного в добром здравии. Мне пора.

Она потянулась к нему, взяла за рукав:

— Компания очень вам благодарна! — и сунула в карман халата плотный голубой конверт.

Максим вздохнул, вернул его назад.

— Это лишнее. Вы достаточно платите и так.

— Пожалуйста, доктор, возьмите! Лично себе.

— Я же сказал, не надо!

— Мне генеральный строго велел вам передать.

Она стояла перед ним, запрокинув голову, чтобы смотреть в глаза. На лбу он заметил россыпь мелких

прыщиков, на губах — следы стершейся помады. Но кожа, правда, светлая, с нежным персиковым румянцем. Конверт снова оказался у него в кармане; Максим взял девушку за локоть, разворачивая к выходу.

— Я позвоню вам, если что-то понадобится.

— Да-да, звоните, — воскликнула она, обрадованная, — в любое время.

Максим проводил ее до регистратуры, помог набросить пальто. Оно было из мягкой шерсти, молочно-белое; он механически заметил, что его приятно держать в руках и от воротника идет тот же цветочный запах парфюма. Перед глазами мелькнули длинные светлые волосы — крашенные, суховатые, завитые на концах — аромат стал сильнее. Элина развернулась к нему лицом, кивнула, прощаясь:

— Я завтра заеду еще раз. После работы. Вы во сколько заканчиваете?

— В семь. Но приезжать нет смысла. Ему ничего не нужно. Ждите звонка.

Не хватало еще из-за нее задерживаться на работе! Приедет под конец дня, будет задавать дежурные вопросы: как состояние, когда можно забирать? С другой стороны, конверт с деньгами обязывает вроде как проявить повышенное внимание. Интересно, сколько там? В какую сумму «Башкирская нефть» оценивает трезвость сотрудника?

В конверте оказалась тысяча долларов — именно в валюте. И что с ними делать? Отдать Анне Ивановне, которая опять активизировалась, требуя денег? Самому вполне хватает зарплаты и доли в доходах от клиники. А вот бывшая бедствует. Когда они развелись четыре года назад, Анна Ивановна ре-

шила вернуться к матери, в центр. Трешка стояла свободная, и вдруг понадобилась ей зачем-то. Обойдется, она в нее ни копейки не вложила. Надо скорее оформить квартиру на дочь. Себе Максим, подкопив, купил таунхаус в поселке возле Внукова.

Туда он и приехал под вечер, припарковался у крыльца, отпер дверь ключом с тяжелой связки. Его секция была небольшая, девяносто метров на два этажа. Много места ему ни к чему — живет один, дома только спит и работает по выходным в кабинете. Пишет статьи для медицинских изданий по наркологии и психиатрии. Максим ступил в коридорчик, снял кожаную куртку. Сдернул с шеи стетоскоп — надо же, забыл оставить на работе! Прошел в кухню, объединенную с гостиной, вымыл руки в раковине, вытер бумажным полотенцем, оторвав от рулона. Налил в кружку кофе из машины, смешал с молоком из пакета.

В холодильнике, кроме молока, имелись только початая бутылка минеральной воды, сэндвич в пленке и кусок шоколадного торта, оставшийся со вчерашнего дня рождения администратора из клиники. Он понюхал торт, выставил на журнальный стол, опустился в кресло. Рукой отломил край, сунул в рот и начал жевать, не ощущая вкуса. Сладко, приторно... Торт полетел в мусорное ведро; Максим забрал кофе и поднялся наверх, в кабинет. Зажег лампу, открыл ноутбук и оставил загружаться. Сам переоделся в спальне в растянутые домашние штаны, футболку с английским бульдогом на груди и выдавшие виды «кроксы». Кровать стояла без покрывала, но белье было чистым — вчера меняла домработница.